

Алексей Приходкин

«Вы действительно говорите не так, как мы»: влияние этнической принадлежности имен собственных на ожидания слушающего¹

1. Сверхмногообразие и его последствия

Актуальную тенденцию демографической динамики западных обществ можно охарактеризовать как сверхмногообразие. Это понятие было предложено Стивеном Вертовичем [Vertovec 2007] для того, чтобы объяснить последствия сдвига, который претерпели типы иммиграции. По сравнению с ситуацией, существовавшей до 1990-х гг., мы можем отметить большое многообразие в том, что касается культурного и географического происхождения иммигрантов. *Транснационализм*, безусловно, является еще одним фактором, способствующим сдвигам, которые претерпели типы иммиграции [Kearney 1995]. Таким образом, новые средства коммуникации и более доступные возможности передвижения позволили многим иммигрантам сохранить контакты со своими семьями и — шире — со своими исходными сообществами.

Многообразие социальных и коммуникативных явлений бросает вызов традиционной концепции национальной идентичности. Понятие *воображаемое сообщество*, предложенное Бенедиктом Андерсоном

Алексей Валентинович Приходкин
Женевский университет,
Швейцария
Alexei.Prikhodkine@unige.ch

¹ Автор благодарит Давида Коррею Сааведру за помощь в проведении исследования, представленного в данной статье.

[Anderson 1991], оказывается полезным для понимания национальности (nationhood) в ее связи с идентичностью: нация является плодом воображения и поддерживается общими социальными репрезентациями (этническое происхождение, культура, язык). Вообще идеология национальной идентичности в рамках государства-нации включает представление об иммигрантах как пребывающих вне воображаемого сообщества, что становится причиной, в терминах Роджерса Брубейкера, разрыва между нацией и государством, или, иными словами, между принадлежностью к нации и принадлежностью к государству [Brubaker 2010]. Этот разрыв объясняет те ситуации, когда иммигрант становится гражданином, не будучи при этом принят в качестве члена нации (a national), хотя в идеальном государстве-нации национальность и гражданство должны быть связаны друг с другом. Согласно Брубейкеру, зазор между нацией и государством может привести к более ассимиляционистской политике интеграции, «построенной на представлении о том, что мигранты должны стать членами нации до того, как они смогут стать полноценными гражданами» [Ibid.: 73]. Во всяком случае, кажется, что именно это и случилось в Швейцарии при проведении в жизнь иммиграционной политики.

2. Иммиграция и политика интеграции в Швейцарии

С середины прошлого века каждый год (за несколькими исключениями) Швейцария переживает увеличение иммиграции. На сегодняшний день иностранцы составляют 22 % населения — это один из самых высоких показателей в Европе. Начиная с 1990-х гг. иммиграция в Швейцарию стала значительно многообразнее.

Учитывая это многообразие, в 1990-х гг. швейцарские власти разработали интеграционную политику, нацеленную на то, чтобы выстроить равенство возможностей между швейцарцами и иностранными гражданами. Ключевым аспектом этой политики стала тенденция рассматривать знание национального языка в качестве ключевого условия успешной интеграции¹. Вследствие такого внимания к одному из элементов процесса интеграции местный язык стал излюбленным инструментом оценки того, насколько успешен иностранец на пути к интеграции. В этом отношении несколько исследований выявили роль языка как метонимической репрезентации местной культуры, а также нации как воображаемого сообщества (например: [Milani 2008]). Кроме того, эти исследования демон-

¹ Например: “Loi fédérale sur les étrangers” (2005; Ch. 2. Art. 4: Integration) <http://www.admin.ch/ch/f/rs/142_20/index.html>.

стрируют, что языковое тестирование может функционировать в качестве механизма исключения и контролируемой миграции. Помимо этих наблюдений, акцент на владении национальным языком затрагивает важный вопрос: насколько владение местным языком способствует недискриминационному отношению к иммигрантам? Именно на этот вопрос мы попытаемся ответить в настоящей работе, исследовав эффекты этничности, которые оказывают на восприятие речи имена собственные.

3. Обратная языковая стереотипизация

Целый ряд исследований, посвященных отношению к языку, дает достаточно свидетельств того, что речевые стимулы могут провоцировать ассоциацию с социальной группой и пробуждать субъективные реакции, основанные на стереотипах, связанных с данной группой [Niedzielski, Preston 2003]. Существует также большое количество свидетельств того, что языковое восприятие может определяться тем, что Кэнг и Рабин [Kang, Rubin 2009] называют *обратной языковой стереотипизацией* (*reverse linguistic stereotyping*, далее — ОЯС). В этой системе координат речевые стимулы становятся объектами стереотипов, активируемых невербальными идентификационными маркерами группы. Проводя эксперимент по восприятию владения языком американскими преподавателями, Рабин обнаружил, что, глядя на фотографию, на которой представлен говорящий азиатской наружности, студенты сообщают, что слышат речь с акцентом, а их способность понимания уменьшается, несмотря на тот факт, что лектор на записи в действительности говорит на стандартном американском варианте английского языка [Rubin 1992]. Наряду с этничностью на восприятие речи могут повлиять и некоторые другие социальные категории, такие как возраст, пол и региональное происхождение [Drager 2010].

Хотя эти исследования углубили наше понимание феномена ОЯС, все еще требуется оценка того, насколько маркеры социальной категории влияют на восприятие речи. Одна из потенциально интересных областей исследования — то, как активируется ОЯС. Существуют свидетельства того, что социальные характеристики могут быть активированы разными способами. Это может быть фотография, видеоклип или письменный ярлык, маркирующий социальную группу. Следует отметить, однако, что в исследованиях по восприятию речи на имена собственные обращали относительно небольшое внимание.

Социальная информация, которую несут имена и фамилии, соотносена также с широким спектром социальных идентич-

ностей и может обладать эффектами, которые связаны с ожиданиями, касающимися профессиональных навыков их носителей (например: [Bertrand, Mullainathan 2004]). Недавнее исследование показало, какую роль играет сочетание имени и фамилии в Швейцарии: считается, что люди, у которых и имя, и фамилия указывают на принадлежность к этническому меньшинству, имеют меньше шансов быть приглашенными на интервью для получения работы, чем те, у кого с меньшинством соотнесен только один элемент именной структуры [Prikhodkine et al. 2008]. Более позитивное отношение к «смешанным» деноминациям может объясняться тем, что они также содержат отсылку к культуре большинства. Поэтому использование собственных имен как указателей социальной идентичности в исследовании восприятия речи может позволить выйти за пределы холистической трактовки социальных категорий (например, европеец vs азиат), создав, например, смешанные маркеры с именем и фамилией, отсылающими к разным социальным идентичностям.

Учитывая вышесказанное, сформулируем следующие исследовательские вопросы.

Исследовательский вопрос 1: Насколько этничность имен собственных влияет на восприятие речи?

Исследовательский вопрос 2: Какой эффект маркировка имени собственного (двойное или одинарное указание на этничность) оказывает на восприятие речи?

4. Метод

150 жителей¹ кантона Во² в Швейцарии попросили заполнить опросник, в котором они должны были дать свою оценку записям речи шести женщин, описывающих комикс³. Respondенты должны были оценить пригодность говорящих для работы в качестве сотрудника по связям с общественностью в швейцарском банке. Кроме того, их попросили вынести свое суждение и о других аспектах, таких как привлекательность речи, понятность, правильность и наличие иностранного ак-

¹ Данные были собраны на основе опроса 150 участников, демографически стратифицированных в соответствии с возрастом, образованием и полом. Все участники являются жителями кантона Во, получили образование во франкоязычной Швейцарии; по крайней мере один родитель каждого участника родился в этом же ареале.

² Кантон Во — самый большой кантон франкоговорящей Швейцарии. Столица кантона — Лозанна, французский является единственным официальным языком кантона.

³ «Приключения Тинтина» Эрже; картинка была позаимствована из восемнадцатого альбома (L'affaire Tournesol. Tournai: Casterman, 1996. P. 13).

цента. Были составлены опросники двух типов ($n = 75$ респондентов на каждый из них), единственным различием между ними были вымышленные имена собственные, которые были даны каждому говорящему.

Существенно, что все респонденты на самом деле слушали одни и те же записи. В табл. 1 представлены вымышленные имена говорящих, а также порядок их следования. Например, респонденты, у которых был опросник первого типа, были уверены, что фрагмент 2 произносится женщиной, которую зовут *Monique Aubert*, в то время как респонденты с опросником второго типа полагали, что эту женщину зовут *Samira Halladj*. Нас интересуют разные оценки, которые может получить говорящий в зависимости от его имени.

Таблица 1

Фиктивные имена говорящих в каждом типе опросника

Независимо от того, был ли у респондентов опросник первого или второго типа, они слушали те же самые фрагменты. Говорящие 2 и 6 в действительности являлись одним и тем же человеком.

Фрагменты	Опросник 1	Опросник 2
1	Sophie Bonvin	Sophie Bonvin
2	Monique Aubert	Samira Halladj
3	Isabelle Texeira	Isabelle Meylan
4	Emilie Chappuis	Manuela Chappuis
5	Anne Aguet	Sadbera Aguet
6	Samira Halladj	Monique Aubert

Речевые стимулы

Речевые стимулы, использованные для эксперимента, были собраны в рамках исследования, посвященного восприятию акцента во франкоязычных странах [Moreau et al. 2007]. Для настоящего исследования мы отобрали только образцы речи женщин до 40 лет, обладавших по крайней мере магистерской степенью и работавших преподавателями социальных наук в Лозаннском университете. Для всех говоривших французский является родным языком, все они провели большую часть своей жизни во франкоязычной Швейцарии. Все речевые фрагменты были сходными по содержанию, поскольку женщин просили описать один и тот же комикс. Шесть фрагментов, каждый по 20 секунд, были отделены друг от друга пятисекундной паузой.

Имена собственные

Имена собственные были взяты из исследования, посвященного социальному значению имен иммигрантов во франкоязычной Швейцарии [Prikhodkine et al. 2008]. Чтобы учесть культурное многообразие швейцарского общества, в эксперимент были включены три этничности: имена, идентифицируемые обычными людьми как относящиеся по преимуществу к португалоязычному миру (имя *Manuela*, фамилия *Teixeira*), арабоязычному (имена *Samira* и *Sadbera*, фамилия *Halladj*) и франкоязычному. Имена и фамилии были также выстроены по трем группам: целиком относящиеся к этническому большинству (*Sophie Bonvin*, *Monique Aubert*, *Isabelle Meylan*, *Emilie Chappuis*, *Anne Aguet*), целиком относящиеся к этническому меньшинству (*Samira Halladj*) и обладающие двойной принадлежностью (*Isabelle Texeira*, *Manuela Chappuis*, *Sadbera Aguet*).

Процедура

Проект был представлен респондентам как исследование, посвященное тому, как люди оценивают говорящих на основе небольших образцов речи. Речевые стимулы были поданы как отрывки интервью при поступлении на работу шести женщин, которые претендовали на место сотрудника по связям с общественностью в банке, находящемся во франкоязычной Швейцарии. Во время эксперимента слушающие должны были оценить каждый речевой фрагмент по пяти градуированным шкалам, над которыми было указано имя вымышленного кандидата.

5. Результаты

Полученные данные были использованы для дискриминантного анализа (SPSS 18, discriminant analysis, DA). Целью DA является классификация людей по различным группам на основе их характерных особенностей. В данном случае модель DA позволяет сделать выбор в пользу опросника типа 1 или 2 на основе полученных ответов. Показатель правильной классификации типа опросника — 76,7 %. Поэтому в самом общем виде респонденты давали совершенно разные ответы в зависимости от того типа опросника, который у них был. Это показывает, что единственное различие между двумя типами опросников — имена говорящих — действительно влияло на ответы.

Для каждого вопроса был сделан однофакторный дисперсионный анализ (Анова) (всего было сделано 30 таких анализов). Цель заключалась в том, чтобы определить, существует ли

связь между данным ответом на вопрос и типом опросника. Эффект социальной демографии тестировался серией анализов с учетом различий в комбинациях возраста респондента, пола, образования и типа опросника. И наконец, диктор 1 не обсуждается, поскольку у нее было одно и то же имя в обоих опросниках.

Диктор 2, по мнению респондентов, обладала более сильным иностранным акцентом ($F(1, 148) = 5,659$, $p = 0.019$), когда ее звали *Samira Halladj* (имя и фамилия, соотнесенные с принадлежностью к этническому меньшинству), чем когда ее звали *Monique Aubert* (имя и фамилия, соотнесенные с принадлежностью к этническому большинству). Тем не менее диктор 6, у которой была точно такая же пара имен и которая на самом деле являлась тем же человеком, что и диктор 2, оценивалась одинаковым образом от одного опросника к другому. Эти результаты подтвердил и сравнительный анализ в рамках одного опросника, целью которого было определить, есть ли существенные различия между ответами, данными на вопросы, касающиеся диктора 2 и 6 в рамках одного типа опросника. Во втором типе *Samira Halladj* считалась менее подходящим кандидатом для работы ($\text{paired } t(74) = -2,274$, $p = 0,026$) и обладающей большим акцентом ($\text{paired } t(74) = 2,803$, $p = 0.006$), чем *Monique Aubert*.

Диктор 3 была признана носителем более правильной речи ($F(1, 146) = 4,049$, $p = 0,046$), когда ее звали *Isabelle Texeira* (имя, соотнесенное с большинством, фамилия — с меньшинством), чем когда ее именем было *Isabelle Meylan* (имя и фамилия указывают на принадлежность к большинству). Кроме того, двухфакторный дисперсионный анализ (a two-way ANOVA) продемонстрировал, что этот диктор также рассматривалась главным образом респондентами-женщинами как более подходящий кандидат для работы, когда у нее была фамилия, указывающая на принадлежность к меньшинству ($F(1, 145) = 4,498$, $p = 0,036$).

Диктор 4 была признана более подходящим кандидатом для работы ($F(1, 147) = 9,066$, $p = 0,003$), а ее речь — более приятной для слуха ($F(1, 148) = 5,715$, $p = 0,018$), когда ее звали *Emilie Chappuis* (имя и фамилия, указывающие на принадлежность к большинству), чем когда ее звали *Manuela Chappuis* (имя, указывающее на меньшинство, фамилия — на большинство).

В случае диктора 5 однофакторный дисперсионный анализ не дал значимого результата. Однако в отношении этого диктора было обнаружено взаимодействие двух переменных. Двухфакторный дисперсионный анализ, учитывающий образовательный уровень респондентов как еще один параметр в до-

полнение к типу опросника, показывает, что люди с более высоким образовательным уровнем оценивают диктора 5 менее благосклонно, когда ее зовут *Sadbera Aguet* (имя, указывающее на принадлежность к меньшинству, фамилия — к большинству), чем когда ее зовут *Anne Aguet* (имя и фамилия, указывающие на принадлежность к большинству). Действительно, *Sadbera Aguet* признана человеком с менее правильной речью ($F(1,146) = 8,694, p = 0,004$) респондентами с более высоким образовательным уровнем. Сходным образом респонденты с более высоким уровнем образования считают *Sadbera Aguet* менее подходящим кандидатом на работу ($F(1,147) = 4,513, p = 0,035$) и говорящей с более ощутимым иностранным акцентом ($F(1,146) = 4,622, p = 0,033$), чем *Anne Aguet*. Влияние возрастного показателя было обнаружено в том, что касается правильности речи: люди старшего возраста (старше 57 лет) считают речь *Sadbera Aguet* менее правильной ($F(2,144) = 3,085, p = 0,049$).

Эти результаты показывают, что состав имен действительно играет определенную роль в восприятии речи, но не всегда так, как ожидается. Во-первых, двойные маркеры с именем, указывающим на принадлежность к этническому меньшинству, вызвали негативные суждения столь же часто, как и маркеры, построенные по типу «меньшинство—меньшинство». Это наблюдение отличается от результатов, представленных в работе Майкла Веркуйтена и Йохема Тейса [Verkuuten, Thijs 2010], которые полагают, что двойные маркеры, указывающие на принадлежность как к меньшинству, так и к большинству, должны вызывать более благоприятные чувства, чем маркеры, целиком относящиеся к меньшинству. Во-вторых, как говорилось ранее, в случае двойных маркеров имя и фамилия не являются носителями одинаковой социальной информации. Наши результаты показывают, что двойной маркер с фамилией, указывающей на принадлежность к меньшинству, провоцирует более благоприятное отношение, чем двойной маркер с именем, соотносимым с меньшинством. Одно из объяснений этого заключается в том, что имена и фамилии женщин рассматриваются по-разному, когда разговор идет об идентификации происхождения. Действительно, в Швейцарии во время нашего опроса и вплоть до 2013 г. закон обязывал женщин брать фамилию мужей, и проведенный после опроса дебрифинг показал, что именно женщины учитывают ситуацию перемены фамилии после брака. В этом отношении следует помнить, что в основном респонденты-женщины считали третьего диктора более подходящим кандидатом для работы, когда у нее была фамилия, указывающая на меньшинство. Поэтому имена могут и не мобилизовать ту же самую социальную информацию: имя по сравнению с фамилией может восприниматься

как несомненный маркер национальной принадлежности. Несмотря на швейцарские имена обоих дикторов, *Isabelle Texeira* может восприниматься как швейцарка по рождению — в противоположность *Manuela Chappuis*. Эти результаты показывают, что изучение воздействия имени собственного, и в особенности смешанных имен, на восприятие речи является перспективной исследовательской сферой в области речевого восприятия, так как оно позволяет выстроить многомерную картину социальных идентичностей.

6. Заключение

В данной статье представлены материалы опроса, который показал, что этническая окраска имен собственных оказывает воздействие на восприятие речи. В более общем виде наше исследование свидетельствует, что владение стандартным французским не является для иммигрантов магическим ключом, позволяющим избежать дискриминации. Эту ситуацию можно связать с представлением о разрыве между «культурной национальностью» и гражданством [Brubaker 2010], который имеет место тогда, когда некто становится гражданином государства с правовой точки зрения, не будучи, тем не менее, частью нации. Поэтому кажется очевидным, что, когда в рамках политики интеграции язык функционирует как метонимический репрезентант местной культуры, а также нации как воображаемого сообщества, владение местным языком не является достаточным для того, чтобы потенциальный гражданин был принят в качестве представителя нации. Действительно, даже выучив местный язык и став приверженцами местной культуры, мы не всегда можем вполне соответствовать другому измерению нации как воображаемого сообщества — этничности, которая также воображается однородной.

Наши результаты демонстрируют, что статус легитимного говорящего субъекта тесно связан с доминирующей этничностью. Данные, полученные на основе анализа восприятия смешанных имен, показывают, что слушатели делают выводы относительно принадлежности говорящих к нации. Хотя разделительной линией в наших результатах представляется перцептивная оппозиция швейцарец-по-рождению vs рожденный-за-границей, возможно, дальнейшие исследования, которые будут учитывать другие этнические истоки и добавят другие социальные маркеры, смогут описать восприятие респондентами принадлежность к нации как градиент, основанный на критерии культурной дистанции. По словам Чарльза Тилли [Tilly 1996], этот градиент может мыслиться как континуум между «плотным» и «неплотным» гражданствами, где некото-

рые люди считаются гражданами в меньшей степени, чем другие, результатом чего становятся социальная дискриминация и ослабленное ощущение принадлежности к принимающему обществу.

Наконец, так же как и в вопросе о гражданстве, непростая задача заключается в том, чтобы включить этническое многообразие в определение легитимного говорящего субъекта и языковой стандарт. Исследования по социолингвистике показывают, что за последние десятилетия стандарты европейских языков переживают определенную *дестандартизацию* — понятие, которое отражает большую приемлемость языковой вариативности (например: [Mattheier 1997]). Эту тенденцию могут объяснить несколько факторов. Например, иммиграция с сопутствующими языковыми контактами, а также социальными изменениями, начавшимися в западных обществах после Второй мировой войны (майские события 1968 г.). Большая терпимость к вариативности может сопровождаться новой креативностью и расширением масштабов языковой вариативности. Несколько новых языковых характеристик становятся социально приемлемыми и общими для всего сообщества, как это происходит в случае региональной вариативности во франкоязычной Швейцарии [Prikhodkine 2012]. Следует отметить, однако, что большая терпимость предполагает не вызов идеологии языкового стандарта, но расширение пределов приемлемого. Хотя в этой области было проведено лишь несколько исследований, можно предположить, что эти пределы определяются этничностью [Grondelaers et al. in progress]. Имея дело с устойчивым представлением о связи языкового стандарта с определенной этничностью, необходимо, следовательно, не забывать, что «правильный акцент» не является магическим ключом, открывающим дверь в новый мир, свободный от этнических предассудков.

Библиография

- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections of the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1991.
- Bertrand M., Mullainathan S.* Are Emily and Greg More Employable Than Lakisha and Jamal? A Field Experiment on Labor Market Discrimination // The American Economic Review. 2004. Vol. 94. P. 991–1013.
- Brubaker R.* Migration, Membership, and the Modern Nation-State: Internal and External Dimensions for the Politics of Belonging // Journal of Interdisciplinary History. 2010. Vol. 41. P. 61–78.
- Drager K.* Sociophonetic Variation in Speech Perception // Language and Linguistics Compass. 2010. Vol. 4. P. 473–480.

- Grondelaers S., Gent P. van, Hout R. van.* Is Moroccan-Flavoured Standard Dutch Standard or Not? On the Use of Perceptual Criteria to Determine the Limits of Standard Languages // Preston D., Prikhodkine A. (eds.). *Language Attitudes: Variability, Processes and Outcomes.* Amsterdam: John Benjamins Co, in progress. (IMPACT: Studies in Language and Society).
- Kang O., Rubin D.* Reverse Linguistic Stereotyping: Measuring the Effect of Listener Expectations on Speech Evaluation // *Journal of Language and Social Psychology.* 2009. Vol. 28. P. 441–456.
- Kearney M.* The Local and the Global: The Anthropology of Globalization and Transnationalism // *Annual Review of Anthropology.* 1995. Vol. 24. P. 547–565.
- Mattheier K.* Über Destandardisierung, Umstandardisierung und Standardisierung in modernen europäischen Standardsprachen // Mattheier K., Radtke E. (eds.). *Standardisierung und Destandardisierung europäischer Nationalsprachen.* Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. P. 1–9.
- Milani T.* Language Testing and Citizenship: A Language Ideological Debate in Sweden // *Language in Society.* 2008. Vol. 37. P. 27–59.
- Moreau M.-L., Bouchard P., Demartin S., Gadet F., Guerin E., Harmegnies B., Huet K., Laroussi L., Prikhodkine A., Singy P., Thiam N., Tyne H.* Les accents dans la francophonie. Bruxelles: Service de la langue française, 2007.
- Niedzielski N., Preston D.* *Folk Linguistics.* Berlin: Mouton De Gruyter, 2003.
- Prikhodkine A.* Autonomisation du français en usage en Suisse romande: quels indicateurs? // *Journal of French Language Studies.* 2012. Vol. 22. P. 395–417.
- Prikhodkine A., Singy P., Charton N., Iannelli A.* Tout nom n'est pas bon à dire. Discriminations à l'embauche en Suisse romande. Lausanne: Bulletin de l'institut de linguistique de l'Université de Lausanne, 2008.
- Rubin D.* Nonlanguage Factors Affecting Undergraduates' Judgments of Nonnative English-Speaking Teaching Assistants // *Research in Higher Education.* 1992. Vol. 33. P. 511–531.
- Tilly Ch.* Citizenship, Identity and Social History // *International Review of Social History.* 1996. Vol. 40 (Supplement 3). P. 1–17.
- Verkuyten M., Thijs J.* Ethnic Minority Labelling, Multiculturalism, and the Attitude of Majority Group Members // *Journal of Language and Social Psychology.* 2010. Vol. 29. P. 467–477.
- Vertovec S.* Super-Diversity and Its Implications // *Ethnic and Racial Studies.* 2007. Vol. 30. P. 1024–1054.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума